

отказываются *кстить* младенца: «Старики должны собраться и *имя положить* на человека; *неумытый* – значит, не помолились за него. И их <неумытых. – С. Н.> нет в числе *избранных*. А когда вырастут, нельзя допускать к *святому лобзанию* <обряд прощения. – С. Н.>. И нет на них благословения».

Обостренное самосознание стимулировало активную герменевтическую деятельность по толкованию священных текстов, эсхатологическая милленаристская ориентация молокан привела к созданию молоканским пророком Максимом Рудометкинским учения о тысячелетнем царстве, идея которого есть в текстах пророка Исайи и в Апокалипсисе. Появилось слово *поход*, по-видимому, заимствованное из языка казаков, которые общались с молоканами-прыгунами. Слово было переосмыслено. Главным *походом* молокан называется поход духовный – духовное очищение перед скорым концом света для перехода в тысячелетнее царство на земле, названное *убежищем*. Убежище же, по представлениям молокан-прыгунов, будет недалеко от горы Арарат. Это название вводит нас в молоканское топонимическое пространство, также пронизанное конфессиональными смыслами. Неслучайно молокане-прыгуны Армении не хотят уезжать из своих родных мест – их держит священная гора Арарат, великая гора, на которой находится ковчег и на которую спустится небесный Иерусалим, под которой будет располагаться территория будущего тысячелетнего царства Божия на земле. Нужно заметить, что почти все молокане и духоборцы – недавние переселенцы из Закавказья в Россию – заражены топосной (или топонимической?) ностальгией, сопрягающей в себе тоску по оставленным местам, их именам и связанным с ними преданиями и надеждам.

Специфика этноконфессиональных культур состоит, в частности, в том, что они образуют не сплошные территории, но массу отдельных точек на карте – в силу вынужденных многочисленных миграций. Прежде чем приступить к составлению карт, подобных этнолингвистическим (например, лексическим картам названий конфессиональных ролей, имеющих территориальные синонимы), необходимо составить карту всех поселений конкретной этноконфессиональной группы – а для таких групп, как старообрядцы или молокане, это будет карта не одной страны, но практически всего мира.

Т. М. Николаева
Москва

Город: аура имени

В текстах – как устных, так и письменных, – названия городов бывают окружены некими характеристиками, которые, в большей или меньшей степени, формируют образ города, независимо от того, бывал в нем носитель данного языка или нет. Разумеется, квалификация городов бывает самой общей, см. деление В. Н. Топоровым древних городов на две группы: Город-Блудница и Город-Дева. Города-Блудницы – это древний Вавилон, Рим; Города-Девы – это обычно средневековые

города-крепости. Отсюда В. Н. Топоров выводит такие понятия, как «овладеть городом» (Город-Дева) и Раз-врат (распахнутые ворота Города-Блудницы).

Однако характеристики связываются и с конкретными *Nomina loquens*. Так, Киев известен как «Мать городов русских» (что несколько иронически обыгрывается в старом «Сатириконе», поскольку род имени и род характеристики не совпадают); все знают, что «Одесса-мама» и т. д. Но есть и номинации более нетривиальные. Так, изучение переписки А. С. Пушкина (его письма и письма к нему) позволило мне обнаружить последовательную синтаксическую разницу в позициях Москвы и Петербурга. Москва – это, как правило, актант, субъект: *Москва стара стала*; *Москва сплетничает о тебе* и под. Петербург же – это локус, обстоятельство места: *В Петербурге наводнение*; *В Петербурге говорят* и т. д. В известной степени это различие сохраняется и до настоящего времени.

В советское время дружественную по отношению к СССР страну называли полностью: Болгария, Чехословакия, Северная Корея и под.; недружественную – по ее столице: *Вашингтон заявляет...*; *Париж отвечает Лондону* и т. д.

Можно предположить, что внимательный анализ текстовых характеристик того или иного города может составить его семантический «имидж», в той или иной степени к нему близкий или даже далекий.

Б. Островский
Краков (Польша)

Балтийская и славянская метеорологическая лексика: семантические различия и сходство

Метеорологическая лексика принадлежит к древнейшему пласту «обыденного» словарного состава любого языка, ведь человек испокон веков ежедневно вынужден был сражаться с явлениями и обстоятельствами природного мира. Климатические и неразделимо с ними связанные метеорологические условия заставляли людей не только наблюдать природные явления, но даже прогнозировать на их основании будущее. Все эти факторы позволяют уже заранее выдвинуть убедительный тезис о том, что словарный состав современных (в том числе славянских и балтийских) языков богат лексическим материалом из области метеорологии.

Задачи настоящего доклада:

1) определить общие по структуре балто-славянские слова, получившие во время становления и развития языка (или группы языков) метеорологические значения, и проанализировать пути их семантической эволюции (совместной или самостоятельной), указав сходства и различия;

2) обратить внимание на общие в семасиологическом плане тенденции переосмыслений нетождественных по структуре метеонимов в языках балтийской и славянской групп (иногда в сопоставлении с данными других индоевропейских языков).